

КАТЕГОРИЯ АВТОРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ МИШЕЛЯ ФУКО

Ожигова М. М.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9631-0446>

Аннотация. В статье на тему «Категория автора в исследованиях Мишеля Фуко: литературоведческий аспект» рассматриваются исследования Мишеля Фуко, связанные с языком, литературой и мышлением. При этом в работе основной акцент сделан на двух важнейших исследованиях Фуко, где непосредственно проявлена категория автора: это его эссе «Фантастическая библиотека. Об „Искушении святого Антония“ Гюстава Флобера» и доклад «Что такое автор?». При анализе текстов применяется сравнение с аналогичной работой того же периода «Смерть автора» (1967) Ролана Барта. Целью исследования является, во-первых, анализ малоизвестной работы Фуко «Об Искушении святого Антония», во-вторых, рассмотрение исследовательской парадигмы Мишеля Фуко в контексте его отношения к фигуре автора в тексте, в частности, художественном. Данная проблематика интересна своей многогранностью: рассмотрение работ, относящихся к одному периоду творчества Фуко, показывает, что позиция ученого была неоднозначной. С одной стороны, Фуко следует тенденции, характерной для «археологического периода» его творчества, со стремлением к минимизации роли субъекта в социальных практиках. С другой стороны, анализ работ Фуко показывает, что у него категория автора не редуцируется, а рассматривается исследователем комплексно, с учетом не только порождения текстов и смыслов, но и их дальнейшего существования в области знания. Автор предлагает несколько иначе взглянуть на привычное восприятие фигуры автора у Фуко только лишь в философском ключе, показывая, что при анализе художественных текстов фигура автора у Фуко обретает литературоведческий статус. Таким образом, результатом работы стали конкретизация места и специфики категории автора и авторства в исследовательской парадигме Фуко, установление того, что для Фуко и сам художественный текст занимает особое место, являясь более сложным объектом изучения, а соответственно, и роль автора в тексте варьируется в зависимости от специфики текста и характера дискурса.

Данные выводы являются ценными для исследователей художественных текстов, так как освещают еще один способ анализа категории автора, а также значение этой категории не только в тексте, но и за его пределами. Кроме того, работа знакомит читателей с малоизвестным эссе Мишеля Фуко, являющимся важным в литературоведческом отношении.

Ключевые слова: художественный дискурс; художественные тексты; реальные авторы; имплицитные авторы; интенция; письмо

Для цитирования: Ожигова, М. М. Категория автора в исследованиях Мишеля Фуко: литературоведческий аспект / М. М. Ожигова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 88–98. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-08.

THE CATEGORY OF “AUTHOR” IN THE STUDIES OF MICHEL FOUCAULT

Maria M. Ozhigova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9631-0446>

Abstract. The paper investigates the category of “author” in the studies of Michel Foucault related to language, literature and thinking. The work actually focuses on two Foucault’s most important studies, in which the author’s category is directly addressed: the essay “Fantasia of the library” and the lecture “What is an Author?” In addition, Foucault’s research is analyzed in comparison with a similar work of the same period, “The Death of the Author” (1967) by Roland Barthes. The aim of the study is, firstly, to analyze the little-known work of Foucault “Fantasia of the library”, and secondly, to consider the research paradigm of Michel Foucault in the context of his attitude to the figure of the author in the text, in particular, in the fiction text. This problem has various difficult aspects: the analysis of works related to one period of Foucault’s work shows that the position of the scholar was ambivalent. On the one hand, Foucault follows the trend characteristic of the “archaeological period” of his work. This period is characterized by the desire to minimize the role of the subject in social practices. On the other hand, the analysis of Foucault’s works shows that his category of the author is not reduced, but is consi-

dered by the researcher comprehensively. At the same time, Foucault takes into account not only the generation of texts and meanings, but also their continued existence in the field of knowledge. The author of the article suggests taking a different look at the habitual perception of the author's figure by Foucault in terms of a philosophical study. In addition, the author shows that when analyzing literary texts, the author's figure in Foucault's works acquires a literary status. Thus, the results of the work present the concretization of the place and specificity of the category of the author and authorship in Foucault's research paradigm. In addition, it was found that the fiction text itself occupies a special place for Foucault, being a more complex object of study, and, accordingly, the role of the author in the text varies depending on the specificity of the text and the nature of the discourse.

These conclusions may become valuable for researchers of literary texts, as they illuminate another way of analyzing the category of the author, as well as the meaning of this category not only in the text, but also beyond it. In addition, the study acquaints readers with a little-known essay by Michel Foucault, which is important in the literary aspect.

Keywords: literary discourse; fiction texts; real authors; implicit authors; intention; writing

For citation: Ozhigova, M. M. (2022). The Category of "Author" in the Studies of Michel Foucault. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 88–98. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-08.

Структуралистские и постструктуралистские исследования в области гуманитарного знания имеют свою специфику и методологию. Одной из ключевых фигур в этой области является философ, культуролог Мишель Фуко. Работы Фуко отличаются многогранностью, большим охватом информации из разных областей знания, осмыслением и соотношением друг с другом различных исторических эпох. Тем интереснее подробнее рассмотреть его изыскания в контексте языка и слова, а точнее в контексте литературоведческой проблематики. Если обозреть труды Мишеля Фуко, связанные с гуманитарным знанием, то условно их можно подразделить на несколько категорий: работы, затрагивающие тему искусства, исследования, связанные со словом и литературой, с социальным поведением и его отклонениями, политикой и дискурсом. Кроме того, условно принято делить творчество Фуко на три периода: «...an archaeological phase, a genealogical phase, and an ethical phase. The first of these phases covers work largely undertaken in the 1960s; the second deals with work of the early to mid-1970s; and the last with work of the late 1970s until the early 1980s...» [Golder 2015: 37]¹. Нас же в данной статье будут интересовать тексты «археологического» периода и лишь один из аспектов в подходе Мишеля Фуко к работе с текстами (как художественными, так и научными), а именно его отношение к фигуре автора. Целью работы являются рассмотрение исследований Мишеля Фуко, в которых так или иначе затрагивается

тема, связанная с фигурой автора, установление и конкретизация научной позиции Фуко по этому вопросу. Для этого мы подробнее остановимся на двух его важнейших работах: статье «Что такое автор?», составленной по записи известного выступления Фуко в Коллеж де Франс, и на менее известной работе «Фантастическая библиотека. Об „Искушении святого Антония“ Гюстава Флобера», однако включим в рассмотрение и работы, где проблематика, связанная с автором, затрагивается косвенно или имплицитно.

Прежде чем говорить о позиции Мишеля Фуко по отношению к категории автора, необходимо обозначить несколько функциональных моментов, связанных со спецификой исследований Фуко.

Во-первых, следует сразу разграничить вопросы, связанные с отношением Фуко к субъекту, и анализ категории автора, которую предлагает Фуко. Подробнее об этом мы будем говорить при рассмотрении его доклада «Что такое автор?». Вопрос о субъекте предполагает рассмотрение человека и его места в научном творчестве Фуко, вопрос же об авторе – это проблема, связанная с некоей инстанцией, продуцирующей речь или письмо. Автор даже в теории литературы – это всегда некая инстанция, полностью нетождественная реальному биографическому автору, субъекту пишущему. Так, достаточно вспомнить одну из дисциплин литературоведения нарратологию, где категория автора, как и категория читателя, подраз-

¹ «...археологическая фаза, генеалогическая фаза и этическая фаза. Первый из этих этапов охватывает работу, в основном выполненную в 1960-х годах; второй посвящен работе с начала до середины 1970-х годов; а последний – работе с конца 1970-х до начала 1980-х годов...»

деляется на несколько уровней, таких как «абстрактный и конкретный автор, абстрактный читатель и фиктивный нарратор» и т. д. [Шмид 2008: 45].

Подробно проблему субъекта высказывания в рамках структуралистской и постструктуралистской мысли в лингвистическом аспекте рассматривали, безотносительно художественного творчества, П. Серио, П. Анри и другие. Так, к примеру, П. Анри «...называет расщеплением, или дроблением, формы-субъекта» [Квадратура смысла 1999: 369]. В литературоведческом и культурологическом ракурсе особо можно выделить Р. Барта, Ю. Кристеву, Ж. Делёза и других. Проблеме философии искусства Фуко посвятил отдельную монографию Йозеф Танке, где среди прочего затрагивается и положение субъекта. Мы же в данной статье сконцентрируемся на узкой проблематике, а именно на анализе категории автора у Фуко, а отношение к субъекту рассмотрим лишь в той степени, в которой сам ученый высказывался о нем.

Во-вторых, принято считать, что Фуко, рассматривая прямо или косвенно категорию автора, не придает ей литературоведческого статуса. Так об этом пишет, в частности, И. В. Пешков, утверждая, что «...Специфика связи автора с текстом художественного произведения Мишелем Фуко не уточняется...» [Пешков 2017: 238]. Кроме того, схожую мысль годом позже более подробно развивает и С. Н. Зенкин: «концепция авторства у Фуко – сильная и убедительная, однако она мало касается специфики литературного творчества» [Зенкин 2018: 91]. При этом аргументом к такого рода выводу, по мнению исследователя, является то, что «Фуко... не анализирует ее <авторской функции> внутритекстуальные аспекты – формы и статус „имплицитного“, фикционального автора, который характерен как раз для художественной словесности» [Зенкин 2018: 91]. Здесь стоит отметить, что С. Н. Зенкин предлагает своеобразный концепт – «категория авторства у Фуко», явно оставляя за рамками другие важные работы Фуко, связанные с этой темой, и даже, собственно, работы Фуко, где он непосредственно анализирует художественные тексты. Таким образом, сама проблематика авторства у Фуко редуцируется до его доклада «Что такое автор?», а это, в свою

очередь, несколько искажает цельную картину того, как выглядит концепция автора в творчестве Фуко. В этом смысле у нас есть основания сомневаться в убедительности данных положений, высказанных учеными, ведь очевидно, что в своих исследованиях Фуко оперирует концептами, не применяя их на художественном материале, а лишь в лучшем случае используя имена (как, например, имя Шекспира в докладе «Что такое автор?». Однако когда дело касается анализа художественного текста, категория автора у Фуко приобретает не только философскую, но и литературоведческую спецификацию. В этом отношении нам ближе взгляд исследователей Т. Амиряна и В. Демина, предлагающих в своей работе «Литература как „опыт-переживание“» мысль о необходимости разделять у Фуко две позиции: «...по отношению к функции автора... и другую – позицию философа как автора собственных книг» [Мишель Фуко и литература 2020: 50]. Отсюда возникает интерес к «...разветвленности смыслового субъекта – диалогическому письму, содержащему в себе перспективу множественного» [Мишель Фуко и литература 2020: 49]. И здесь речь именно о смысловой «разветвленности», концептуальной многозначности категории авторства в теории, не исключающей использования категории автора на практике в литературоведческом ключе. Эту позицию мы рассмотрим подробнее при анализе работы Фуко «Об Испытании святого Антония». Но прежде чем рассматривать эту работу, нам необходимо сказать и о других работах, относящихся к этому периоду. Так, в поле нашего внимания попадут «Слова и вещи», «Археология знания» и «Порядок дискурса».

Сложный и многогранный труд «Слова и вещи», вышедший в 1966 году, затрагивает множество различных проблем, связанных не только со становлением понятия «дискурс», но и с проблемой языка и речи, пространства высказывания, а также с понятием «эпистема», которое Фуко предлагает использовать для характеристики различных исторических периодов в развитии человеческой мысли и языка. Проблема автора не затрагивается в исследовании, однако это не значит, что имплицитно Фуко ее не касается. Не заявляя позицию об авторской инстанции открыто и говоря исключительно о языке и дискурсивности,

Фуко, затрагивая область литературы, рассуждая о литературе XX века, фактически констатирует то, о чем годом позже напишет Ролан Барт в своей известной работе «Смерть автора» (1967). Так, говоря о языке и литературе, Фуко пишет: «...литература (сначала в форме сюрреализма, пусть пока замаскированного, потом во все более чистой форме – ...у Батая, у Бланшо) дается... как опыт смерти..., немислимой мысли (и во всей ее недоступности), возвращения (первоначальной девственности, всегда в форме наиболее близкой к языку, и в то же время наиболее удаленной); как опыт конечности человеческого бытия (в его открытости и вместе с тем принудительности). Мы видим, что этот „возврат“ языка вовсе не был для нашей культуры каким-то внезапным вторжением...» [Фуко 1977: 484]. При этом позже в предисловии к своему докладу в Коллеж де Франс в 1969 году Фуко пояснит, говоря о «Словах и вещах»: «...на протяжении всего этого текста наивным, а стало быть – диким образом использовал-таки имена авторов. Я говорил о Бюффоне, о Кювье, о Рикардо и т. д. и позволил этим именам функционировать неким весьма затруднительным двусмысленным образом» [Фуко 1996: 10–11]. Именно эта двусмысленность (которую Фуко, впрочем, не до конца признавал), возникшая еще в «Словах и вещах», побудила его сделать доклад «Что такое автор?», в котором позиция автора уже будет относительно определена.

При этом важно понимать, что эту двусмысленность позже в «Археологии знания» Фуко успешно редуцирует, так как будет говорить об авторах, не являющихся писателями, используя материал по большей части биологического и экономического дискурсов. Сама выборка иллюстративного материала в «Археологии знания» говорит о том, что Фуко, несмотря на свою работу в русле структурализма и постструктурализма, тем не менее отводил автору в художественном творчестве особое место и не мог однозначно с ним распрощаться, как в свое время это сделал Барт. Именно поэтому в «Археологии» встречаются имена ученых, а не писателей.

В «Археологии знания» Фуко анализирует дискурсы, дискурсивные формации и дискурсивные практики уже без какой-либо отсылки к субъекту (как это все же происходило в «Словах и вещах») и тем более к авторской инстан-

ции. Здесь субъект «...определяется языковыми практиками господства, которые конституируют метанарративы, влияющие на индивидуальное сознание» [Фуко 2020: 11]. Естественно, что фигура автора, как реального, так и абстрактного, уже не рассматривается, «...мнимая всевластность „Субъекта“ на самом деле растворяется в потоках дискурсов...» [Мишель Фуко и литература 2020: 61], так как Фуко стремится наиболее объективно описать формирование и движение знания в определенных дискурсах.

Сама особенность подхода Фуко, а именно выделение различных дискурсов, систем дискурсивности, функционирования высказываний вне контекста их авторского порождения, в этой работе практически исключает рассмотрение автора как отдельной важной институции, продуцирующей знание. Конечно же, подход Фуко диктовался не только замыслом «...описания дискурсивных событий как горизонта для исследования формирующихся в нем единств» [Фуко 2020: 72], но и желанием вывести гуманитарное знание любого типа из-под влияния субъективного элемента. Ведь если обратить внимание не на то, что Фуко подробно рассматривает, к примеру дискурсы или их различные формации, а на то, что он не включает в подробный анализ, то можно заметить, что редуцирование фигуры автора до статуса «отсутствия» действительно приводит к снижению субъективизации гуманитарного знания. Именно в этом пункте структуралистов и постструктуралистов часто упрекают за то, что они стремятся изъять человека из процесса жизни и познания. И нужно признать, что основания для таких упреков имеются, однако в случае Фуко мы имеем дело не с уничтожением субъекта, а скорее с попыткой установления его функционирования и возможностей его анализа с меньшей степенью субъективности. Конкретный субъект редуцирован и уступает место инстанции, имени автора, которое функционирует уже абсолютно самостоятельно. Это функционирование Фуко и показывает в докладе «Что такое автор?», хронологически и интенционально соотносимом с предыдущими рассмотренными нами работами «археологического периода». Здесь исследователь предлагает уже иную трактовку позиции автора и субъекта по отношению к письменным высказываниям.

В своем выступлении Фуко затрагивает три важнейших аспекта процесса создания текста: произведение как объект и завершенное целое, письмо как акт и явление и собственно фигура автора, точнее, функция-автор. Согласно Фуко, понятия «произведения» и «письма» мешают «...констатировать исчезновение автора...» [Фуко 1996: 16], поэтому, как бы опровергая их, Фуко утверждает, что «теории произведения не существует» [Фуко 1996: 16], так как невозможно установить границы всего когда-либо написанного определенным автором. В свою очередь, понятие «письма» в его традиционном понимании ученый ставит под сомнение, рассматривая «...эстетический принцип продолжения жизни произведения и после смерти автора...» в религиозном аспекте как стремление искать сокровенные смыслы в написанном и продолжать комментировать тексты вновь и вновь. Здесь сразу следует отметить важное отличие от эссе Ролана Барта 1967 года.

Для Барта «письмо – та область неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, черно-белый лабиринт, где исчезает всякая самотождественность, и в первую очередь телесная тождественность пишущего» [Барт 1994: 384]. Иначе говоря, Барт наделяет письмо верховной изначальной функцией по отношению к акту высказывания, ставя его выше автора, контекста и других с ним связанных аспектов. Как отмечает А. В. Дьяков, «письмо – одновременно и форма языкового выражения, и форма принуждения» [Дьяков 2005: 30]. С другой стороны, автор – творящий субъект лишается своего права творца, вкладывающего в текст определенные смыслы. Единственное, что остается, это скриптор, который «...рождается одновременно с текстом. У него нет никакого бытия до и вне письма, он отнюдь не тот субъект, по отношению к которому его книга была бы предикатом; остается только одно время – время речевого акта, и всякий текст вечно пишется здесь и сейчас» [Барт 1994: 387]. У Фуко, как можно увидеть, письмо не наделяется такой авторитетной функцией, скорее, наоборот, ученый здесь предостерегает от понимания письма как некоей абсолютной инстанции: «... не есть ли это понятие <...> только транспозиция – в форме трансцендентальной анонимности – эмпирических характеристик автора?

<...> наделить письмо статусом изначального, разве это не есть способ выразить в трансцендентальных терминах... теологическое утверждение о его священном характере... и критическое утверждение о его творящем характере! Признать, что письмо самой историей, которую оно и сделало возможной, подвергается своего рода испытанию забвением и подавлением, не означает ли это представлять в трансцендентальных терминах религиозный принцип сокровенного смысла... и критический принцип имплицитных значений, безмолвных определений, смутных содержаний <...>?» [Фуко 1996: 17–18].

Таким образом, для Фуко проблема порождения высказывания оказывается гораздо сложнее и не может быть объяснена через констатацию письма как единственной порождающей инстанции. Иным образом, чем Ролан Барт, смотрит Фуко и на позицию субъекта письма и автора. Фактически Фуко отходит от «...буквального истолкования... понятия» [Ильин 1996: 75] «смерти автора». Во-первых, Фуко, хотя «постструктурализм сопротивляется традиции ссылок на авторитетных авторов...» [Дьяков 2015: 497], не констатирует «смерть автора», более того, не рассматривает он и фигуру некоего скриптора. Как можно увидеть, и об этом Фуко говорит ближе к концу своей речи, фигура автора, понимаемая как субъект пишущий, не отвергается исследователем. Так, Фуко, давая характеристику письму, подчеркивая, что оно «...отсылает лишь к себе самому...» [Фуко 1996: 13], упорядочивается «...не столько своим означаемым содержанием, сколько самой природой означаемого...» [Фуко 1996: 13], рассуждает о том, что «...вопрос стоит об открытии некоторого пространства, в котором пишущий субъект не перестает исчезать» [Фуко 1996: 14]. То есть Фуко не отрицает пишущего субъекта и, что важно, понимает под этим субъектом не только скриптора в бартовском ключе, но и, пользуясь языком нарратологии, реального автора, создающего свой текст.

Более того, в докладе 1970 года «Порядок дискурса» он как бы подтверждает это, говоря о том, что «было бы абсурдно... отрицать существование пишущего и сочиняющего индивида». Таким образом, впечатление, что Фуко стремится констатировать исчезновение автора как субъекта творчества и отнять у него

индивидуальный акт творения, является ошибочным. Речь здесь идет скорее о том, «...чтобы внутри речевого акта провести разделительную линию, которая позволит выделить, отличить субъекта речи от совокупности элементов (слова, шумы и т. д.), составляющих само это действие и делающих его возможным» [Фуко 2007: 70]. Что же касается автора, то Фуко ставит вопрос иначе: его интересует не наличие или отсутствие фигуры автора или его качество по отношению к тексту. Фуко стремится, при этом оставаясь в парадигме своих дискурсивных исследований, установить статус автора по отношению к тексту и то, как эта авторская инстанция влияет на дальнейшую жизнь текста. Именно поэтому в дальнейшем в своих рассуждениях Фуко снова использует понятие «автор» для человека, создающего тексты, разграничивая его с понятием «функции-автор».

Таким образом, целью мыслительных операций становится не уничтожение автора как такового, а раскрытие того, чем или кем становится автор (не будем здесь использовать термин «субъект», так как в докладе Фуко разграничивал эти термины) после того, как текст написан и выпущен в свет, тем более если существует множество текстов одного и того же автора. То есть Фуко имеет в виду не субъекта пишущего (скриптора), не реального автора, не абстрактного имплицитного автора, часто соотносимого в литературной теории с образом автора, а автора, чье имя уже связано с текстом и функционирует в определенном дискурсе. Этого автора Фуко обозначает «функцией-автор». Это разграничение, на наш взгляд, является очень важным и методологически ценным. Автор «из плоти и крови», создавший текст, будем называть его реальным автором, не отрицается, однако он «...есть... проекция... некоторой обработки, которой подвергают тексты: сближений, которые производят, черт, которые устанавливают как существенные, связей, преемственности, которые допускают...» [Фуко 1996: 25]. Иначе говоря, реальный автор становится неким эфемерным явлением, происходит своеобразная подмена. На самом же деле на первый план выходит «функция-автор», связанная, во-первых, с именем автора, вокруг которого возникает определенный дискурс. Дискурсы же, в свою очередь, включают дискурсивные формации, «...упорядочивающие

реальность определенным образом» [Кожемякин 2008: 83]. В этом контексте, следуя логике Фуко, видим, что «функция-автор» – это и не абстрактная авторская инстанция, отождествляемая обычно с образом автора. «Функция-автор» «...характерна для способа существования, обращения и функционирования вполне определенных дискурсов внутри того или иного общества» [Фуко 1996: 22].

Таким образом, «функция-автор» – это имя, позволяющее текстам функционировать внутри того или иного дискурса: «...имя автора – это не просто элемент дискурса... оно выполняет по отношению к дискурсам определенную роль: оно обеспечивает функцию классификации; такое имя позволяет сгруппировать ряд текстов, разграничить их, исключить из их числа одни и противопоставить их другим... оно выполняет приведение текстов в определенное между собой отношение» [Фуко 1996: 21]. Интересным здесь является и то, что, разграничивая автора и «функцию-автор», Фуко как бы занимает срединное положение в вопросе авторской интенции. Для Барта вопрос об авторской интенции снимался автоматически вместе со «смертью» автора, ведь скриптор не может иметь никакой интенции, его единственная функция – это фиксация текста, его материализация. В логике Фуко авторская интенция остается, ведь интенция – это не только намерение автора, но и те смыслы, которые он вкладывает в текст. Интенция – это «...ответственность автора за смысл и значение текста» [Компаньон 2001: 56]. В этом плане интенция понимается еще и как ответственность за дальнейшие прочтения, интерпретации текста в том числе. Поэтому с позиции Фуко, при которой существует пишущий субъект и «функция-автор», понятие интенции относится именно к «функции-автор», к имени, которое связано со всеми текстами того или иного автора и которое задает определенную парадигму прочтения всего корпуса текстов одного и того же автора. Иными словами, в своем докладе Фуко оставляет «за скобками» порождение значения и смыслов и их соотношение с фигурой пишущего субъекта, однако связывает различные прочтения и интерпретации текста именно с «функцией-автор», с именем, которое предпослано текстам, и вокруг которого возникает множество коммен-

тариев, и с которым связаны определенные прочные коннотации. В пользу такого понимания «функции-автор» говорит и то, что годом позже в «Порядке дискурса» Фуко предложит уже исторический аспект формирования «функции-автор»: «...по крайней мере, начиная с какого-то времени, индивид, приступающий к писанию текста, горизонтом которого маячит возможное произведение, принимает на себя определенную функцию автора... он получает ее от своей эпохи или же какой она, в свою очередь, становится в результате произведенных им изменений» [Фуко 1996: 64].

Как можно увидеть, в плане ответственности за функционирование текста «функция-автор» определенным образом связана и с интенцией, так как сама эта функция формируется в индивиде и под историческим влиянием в том числе. Здесь может возникнуть впечатление, что Фуко редуцирует важность, степень вовлеченности и отношения реального автора к своему тексту. Однако это не совсем так, и ценность этих сугубо теоретических рассуждений оказывается значительной для исследователей различных текстов, в том числе и художественных. Ведь фактически Фуко не просто предлагает для рассмотрения категорию «функция-автор», но выделяет еще две инстанции, которые не рассматривает в данном докладе. Так, отдельно, как мы уже указывали выше, он говорит о субъекте пишущем, но и не отрицает автора абстрактного, соотносимого с образом автора, принятым в теории литературы. Эту инстанцию Фуко учитывает, хоть и относится к ней критически, считая, что этот имплицитный автор целиком является продуктом литературной критики: «...способ, каким литературная критика в течение долгого времени определяла автора – или, скорее, конструировала форму-автор исходя из существующих текстов и дискурсов, – что способ этот является достаточно прямым производным того способа, которым христианская традиция удостоверяла (или, наоборот, отрицала) подлинность текстов, которыми она располагала» [Фуко 1996: 26]. Можно сказать, что Фуко в данном случае, разграничивая субъекта пишущего, автора имплицитного (образ автора) и «функцию-автор», реализует *операцию абстрагирования*, показывая, что и один, и множество текстов одного реального автора, выйдя

из-под его пера и оказавшись в пространстве восприятия, уже считаются совершенно иным образом. Речь идет уже не о самостоятельной жизни текста с приращением к нему смыслов при помощи читателя, как это можно увидеть, например, у Ролана Барта. Здесь имеется в виду, что именно «функция-автор» реализует себя в определенном или нескольких дискурсах. Иначе говоря, и восприятие текстов оказывается подвержено определенным «искажениям» в связи с тем, что «функция-автор» «определяется не спонтанной атрибуцией дискурса его производителю, но серией специфических и сложных операций; она не отсылает просто-напросто к некоему реальному индивиду – она может дать место одновременно многим Эго, многим позициям-субъектам...» [Фуко 1996: 30]. По-видимому, возникновение этих Эго связано не только с существованием текста самого по себе, но и с тем, как этот текст воспринимается, какие смыслы к нему прирастают, и, наконец, и это является самым значимым, в каких дискурсах функционирует данный текст. В дальнейшем эту же мысль можно увидеть и в «Порядке дискурса» (1970): «речь идет об авторе – понимаемом, конечно, не как говорящий индивид, который произнес или написал текст, но как принцип группировки дискурсов, как единство и источник их значений, как центр их связности» [Фуко 1996: 62–63]. Кроме того, внимательное рассмотрение доклада Фуко позволяет утверждать, что в его позицию не заключен абсолютный отказ от реального автора, ведь «функция-автор», которую описывает исследователь, сама по себе «является результатом сложной операции, которая конструирует некое разумное существо, которое и называют автором» [Фуко 1996: 25]. Фуко в данном случае предлагает обоснование существования «функции-автор», однако не исключает субъекта и реального автора из процесса художественного творчества. При этом исследователь невольно обозначает вопрос о степени субъективизации текстов.

Эта проблема характерна не только для филологических, но и для других гуманитарных дисциплин, а потому рассматривается нами как явление для Фуко генетическое, ведь еще структурализм «...претендовал не только на то, чтобы быть „метаязыком“ литературы, но и на то, чтобы выступить в роли „метаязыка“ лите-

ратуроведения» [Косиков 2012: 290], пытаюсь решить самые проблемные вопросы гуманитарных дисциплин. В этом отношении Фуко, затрагивая вопрос субъективизации текстов, говорит не только о процессе создания текста, но и имплицитно подразумевает проблемы исследователя-гуманитария, связанные с поиском позиции, с которой он мог бы менее субъективно и предвзято смотреть на текст. Подобный взгляд во многом очень ценен для любого гуманитарного исследования.

Однако не всегда в исследованиях Фуко категория автора редуцируется и сводится к имени и «функции-автор». Как известно, круг научных интересов Фуко был очень широк, и помимо работ, посвященных языку и живописи, у него есть исследования, посвященные только лишь литературе. Одну из этих работ – «Фантастическая библиотека. Об „Искушении святого Антония“ Гюстава Флобера» – мы рассмотрим более подробно.

Эссе «Фантастическая библиотека» является своеобразной работой, сочетающей в себе доминанты дискурсивных исследований Фуко с несколько другим взглядом на литературу и возможностью прочтения художественного текста. Эссе создавалось в то время, когда Фуко уже работал над замыслом будущей «Археологии знания». Следуя своим методологическим подходам, Фуко словно разворачивает текст в иной плоскости, предлагая увидеть всю его глубину и значимость в творчестве Гюстава Флобера. Во многом эссе можно назвать одной из лучших работ в области литературоведения и в области понимания творчества Флобера. Для Фуко по-прежнему важна категория пространства, теперь рассматриваемая в рамках художественного произведения. Также в эссе говорится и о дискурсе, однако особенного внимания заслуживает специфическое положение автора по отношению к художественному тексту. Здесь Фуко не рассматривает «функцию-автор», как сделает это позже в докладе «Что такое автор?», в данном тексте удивительным образом сочетается аналитическая способность Фуко, его анализ пространства текста и его дискурсивного порождения с сохранением фигуры автора. При этом важно понимать, что исследователь, рассматривая текст, говорит уже именно о реальном авторе, что выражается в пяти выделенных нами важных

аспектах анализа романа Флобера: роли текста во всем творчестве писателя, поэтологическом аспекте (как сам Флобер относился к своему творчеству), творческой истории, сравнительном аспекте и, наконец, анализе сложной архитектоники произведения. Во-первых, Фуко подчеркивает место и значение «Искушения» во всем творчестве писателя: «„Искушение“ пронизывает все творчество Флобера» [Фуко 2018: 9]. Интересным является и то, как Фуко отыскивает «следы» «Искушения святого Антония» во всех ключевых флюберовских текстах, при этом устанавливая, что текст философской драмы как бы предваряет и определяет все дальнейшие работы писателя. Начинается эссе со строчки: «Флобер трижды брался за написание и переписывание „Искушения...“» [Фуко 2018: 9], а затем следует хронологическая реконструкция выхода романов «Мадам Бовари», «Саламбо», «Бювар и Пекюше», в которой показано, что Флобер не оставлял работу над романом на протяжении всей жизни. С рассмотрением роли текста во всем творчестве Флобера связан и другой аспект анализа, который проводит Фуко, а именно поэтологический аспект. Анализ флюберовского текста учитывает и отношение самого автора к процессу своего творчества. Этот факт особенно примечателен, если принять во внимание позицию Фуко по отношению и к субъекту, и к автору во всем его научном творчестве. Так, Мишель Фуко цитирует Флобера: «Я как одержимый погрузился в работу над „Святым Антонием“ и довел себя до сладостного состояния невероятной экзальтации...» [Фуко 2018: 13]. И тут же противопоставляет признания Флобера, его восприятие творческого процесса очевидному выводу: «Искушение – это не результат экзальтации», а «...памятник педантичного знания» [Фуко 2018: 13]. Здесь мы подходим к третьему важнейшему аспекту анализа текста Флобера, который предлагает Фуко: творческой истории произведения. Этот пункт Фуко связывает не только с редакциями «Искушения» и первыми его набросками, но также и перечисляет все источники, которыми точно или предположительно пользовался Флобер. Так, он называет имена Тиллемона, Маттера, Бозобра, Ройсса, Бюрнуфа, Анкетиль-Дюперрона, Гербелота и Готтингера, Дюре, Спинозы и многих других. Для Фуко этот источниковедческий анализ

необходим для того, чтобы показать, что текст Флобера является не просто собранием фантастических образов, но хранилищем огромного массива знаний, и сам по себе является знанием. С литературоведческой же точки зрения мы видим в этом признание фигуры автора и пристальное внимание к тому, как автор создавал свой текст, какие источники изучал и как происходил процесс отбора материала не на уровне «функции-автора», а на уровне реального автора и его творческого замысла. При этом, конечно же, все эти поиски и открытия источников, задействованных при создании произведения, приводят Фуко к четвертому аспекту, акцентирующему присутствие автора, а именно к сравнительному анализу «Искушения». Так, Фуко сопоставляет отдельные фрагменты текста Флобера с гравюрами и иллюстрациями в изданиях Крейцера, Лейарда, Маттера, а сам замысел соотносит с сюжетом картины Питера Брейгеля Младшего, который произвел на Флобера огромное впечатление. Но, наконец, и вся форма «ученого галлюцинирования» [Фуко 2018: 16] в тексте соотносится им с произведениями Ж. Мишле («Ведьма») и Э. Кине («Агасфер»). Весь этот, пусть и неглубокий, сравнительный анализ приводит Фуко к выводу о том, что «Искушение» включает «...в себя все пространство существующих книг» [Фуко 2018: 17], и в отличие от «Дон Кихота» Сервантеса «...располагается в институционально признанной сфере письма» [Фуко 2018: 17]. В конечном итоге Фуко приходит к пятому выделенному нами аспекту: анализирует архитектуру текста Флобера, при этом выделяя пять разных пространственных уровней текста: «...книга, театр, священный текст, видения и видения видений» [Фуко 2018: 26]. Примечательно, что ход рассуждений Фуко при подходе к анализу «Искушения» сближается с нарратологическим анализом точки зрения, принятым в литературоведении. Классифицируя категорию читателя, Фуко предлагает схему, словно показывая различные точки зрения: «...описанный порядок позволяет читателю увидеть святого Антония через плечо зрителя, предположительно созерцающего происходящую драму, – и через это сам читатель отождествляется со зрителем» [Фуко 2018: 27]. Можно заметить, пользуясь нарратологической терминологией, что при таком анализе точки зрения

абстрактного автора, абстрактного читателя и конкретного читателя пересекаются. Но на этом Фуко не останавливается подробно, так как его интересует именно позиция конкретного, реального читателя по отношению к раскрывающемуся во всей глубине пространству книги. Для нас же важно отметить сам ход анализа, с одной стороны, характерный для работ Фуко и затрагивающий тему пространства, письма и возможностей его развертывания. С другой стороны, в этом же разборе не только присутствует включение реального автора, но и сосуществуют близкие к литературоведению элементы анализа художественного текста. Наконец, рассмотрев общую перспективу текста и позицию читателя, Фуко обращается к своеобразной трактовке образов, условно подразделяя их на четыре серии. Каждую серию он разбирает подробно, тем самым завершая очень хорошее дискурсивное и во многом филологическое рассмотрение произведения Флобера.

Таким образом, мы, подробно рассмотрев доклад Мишеля Фуко «Что такое автор?» и его эссе «Фантастическая библиотека», проследили истоки позиции Мишеля Фуко по отношению к автору, а также определили место и специфику категории автора в его исследованиях. В работе «Об Искушении святого Антония Гюстава Флобера», увидели, что при исследовании искусства, в частности художественного творчества, Фуко задействует фигуру автора, не уходя в анализ «функции-автор». Здесь при анализе художественного творчества фигура автора, рассматриваемая Фуко, начинает тяготеть скорее к нарратору, который имплицитно в текст разные точки зрения, что роднит разбор Фуко с нарратологической теорией литературоведения и показывает, что Фуко было не чуждо рассмотрение категории авторства именно с литературоведческих позиций. При этом в докладе, сделанном в Коллеж де Франс, Фуко рассматривает «функцию-автор» в абстрактной теории дискурса, не применяя свой анализ на конкретном материале. При этом важно то, что мы не говорим об эволюции взглядов Фуко на категорию автора в ту или иную сторону, речь здесь идет об открытости позиции при рассмотрении произведений искусства, в том числе художественных текстов, возможном включении категории автора в литературоведческий

контекст, даже при наличии дискурсивного подхода. Именно этот взгляд позволяет идеям Мишеля Фуко жить и быть перспективными для дальнейшего изучения и применения.

Литература

- Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Издательская группа «Прогресс»; Универс, 1994. – 616 с.
- Дьяков, А. В. Мишель Фуко и его время / А. В. Дьяков. – СПб. : Алетейя, 2015. – 672 с.
- Дьяков, А. В. Проблема сверхдетерминации индивида в философии постструктурализма / А. В. Дьяков. – Курск. : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. – 131 с.
- Зенкин, С. Н. Теория литературы. Проблемы и результаты / С. Н. Зенкин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 362 с.
- Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1996. – 255 с.
- Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – 416 с.
- Кожемякин, Е. А. Дискурсивный подход к изучению институциональной культуры / Е. А. Кожемякин. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – 244 с.
- Компаньон, А. Демон теории / А. Компаньон. – М. : Издательство им. Сабашниковых, 2001. – 336 с.
- Косиков, Г. К. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 2: Теория литературы. Методология гуманитарных наук / Г. К. Косиков. – М. : Центр книги Рудомино, 2012. – 696 с.
- Мишель Фуко и литература. – СПб. : Алетейя, 2020. – 144 с.
- Пешков, И. В. Р. Барт и М. Фуко о генезисе категории авторства / И. В. Пешков // *Liberal Arts in Russia*. – 2017. – № 3. – С. 230–241.
- Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2020. – с. 416.
- Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
- Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / М. Фуко. – СПб. : Наука, 2007. – 677 с.
- Фуко, М. Слова и вещи / М. Фуко. – М. : Прогресс, 1977. – 487 с.
- Фуко, М. Фантастическая библиотека. Об «Искушении святого Антония» Гюстава Флобера / М. Фуко. – М. : ЦЭМ; V-A-C press, 2018. – 48 с.
- Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – 304 с.
- Golder, B. Foucault and the politics of rights / B. Golder. – Standford : Standford University Press, 2015. – 246 p.
- Hubert, L. Dreyfus. Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics. / L. Hubert Dreyfus, P. Rabinow. – Chicago : University of Chicago Press, 1982. – 321 p.
- Tanke, J. Joseph. Foucault's philosophy of Art: a genealogy of modernity / J. Tanke. – London ; New York : Continuum International Publishing Group, 2009. – 222 p.

References

- Bart, R. (1994). *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Izdatel'skaya grup-pa «Progress», Univers. 616 p.
- Dyakov, A. V. (2005). *Mishel' Fuko i ego vremya* [Michel Foucault and His Time]. Saint Petersburg, Aleiteiya. 672 p.
- Dyakov, A. V. (2005). *Problema sverkhdeterninatsii individa v filosofii poststrukturalizma* [The Problem of Overdetermination of the Individual in the Philosophy of Poststructuralism]. Kursk, Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo univer-siteta. 131 p.
- Foucault, M. (2020). *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Saint Petersburg, ITs «Gumanitarnaya Aka-demiya». 416 p.
- Foucault, M. (1996). *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of Different Years]. Moscow, Kasta'. 448 p.
- Foucault, M. (2018). *Fantasticheskaya biblioteka. Ob «Iskushenii svyatogo Antoniya» Gyustava Flobera* [Fantasia of the Li-brary. About The Temptation of Saint Anthony by Gustave Flaubert]. Moscow, Ts-EM, V-A-C press. 48 p.
- Foucault, M. (2007). *Germenevtika sub'ekta: Kurs lektzii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu* [Hermeneutics of the Subject: A Course of Lectures at the Collège de France in the 1981–1982 Academic Year]. Saint Pe-tersburg, Nauka. 677 p.
- Foucault, M. (1977). *Slova i veshchi* [The Order of Things]. Moscow, Progress. 487 p.
- Golder, B. (2015). *Foucault and the Politics of Rights*. Standford, Standford University Press. 246 p.
- Hubert, L. Dreyfus., Rabinow, P. (1982). *Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics*. Chicago, University of Chicago Press. 321 p.
- Ilyin, I. P. (1996). *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmo-dernism]. Moscow, Intrada. 255 p.
- Kompanyon, A. (2001). *Demon teorii* [Demon of the theory]. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh. 336 p.
- Kosikov, G. K. (2012). *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [Collected Works, in 2 vols.]. Vol. 2: Teoriya literatury. Metodologiya gumanitarnykh nauk. – Moscow, Tsentr knigi Rudomino. 696 p.
- Kozhemyakin, E. A. (2008). *Diskursnyi podkhod k izucheniyu institutsional'noi kul'tury* [The Discourse Approach to the Study of Institutional Culture]. Belgorod, Izdatel'stvo BelGU. 244 p.

Kvadratura smysla: frantsuzskaya shkola analiza diskursa [The Quadrature of Meaning: The French School of Discourse Analysis]. (1999). Moscow, OAO IG «Progress». 416 p.

Mishel' Fuko i literatura [Michel Foucault and Literature]. (2020). Saint Petersburg, Aleteiya. 144 p.

Peshkov, I. V. (2017). R. Bart i M. Fuko o genezise kategorii avtorstva [Barth and Foucault and the Genesis of the Category of Authorship]. In *Liberal Arts in Russia*. No. 3, pp. 230–241.

Shmid, V. (2008). *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury. 304 p.

Tanke, J. Joseph. (2009). *Foucault's Philosophy of Art: A Genealogy of Modernity*. London, New York, Continuum International Publishing Group. 222 p.

Zenkin, S. N. (2018). *Teoriya literatury. Problemy i rezul'taty* [Literary Critics. The Problems]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 362 p.

Данные об авторе

Ожигова Мария Михайловна – аспирант кафедры теории литературы филологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес: 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1.

E-mail: ozhigova13.m@gmail.com.

Author's information

Ozhigova Maria Mikhailovna – Postgraduate Student of Theory of Literature Department, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Дата поступления: 29.04.2022; дата публикации: 29.12.2022

Date of receipt: 29.04.2022; date of publication: 29.12.2022